

Голубинский Е. Е. Ответ на статью: Н. Московский академический историк о житии преподобного Сергия // Богословский вестник 1893. Т. 4. № 11. С. 368–393 (2-я пагин.). (Окончание.)

Отвѣтъ на статью: „Московскій академическій историкъ о житіи преп. Сергія“, напечатанную въ журналѣ „Странникъ“.

(Окончаніе)¹⁾.

„На страницѣ 43-й Голубинскій пишетъ панегирикъ знаменитому въ своемъ родѣ Митяю. „Онъ былъ исполненъ столькихъ же достоинствъ, какъ и Пиконъ (патріархъ), если даже не большихъ. Но онъ почему то не совсемъ правился святому Алексѣю и этотъ предпочиталъ ему Сергія“. Далѣе авторъ говоритъ, что „святой Алексѣй далъ потомъ благословеніе свое Митяю на митрополию“. Обидно читать это сопоставленіе Митяя съ преподобнымъ Сергіемъ, обитель котораго Митяй грозилъ разорить до основаній. Уже по одному этому можно судить, что за птица былъ сей пресловутый Митяй. Вѣдь за что либудь да прозвали его современники такимъ унижительнымъ именемъ (полуименемъ). Вѣдь самъ Угодникъ Божій предсказалъ ему смерть вѣи отечества (объ этомъ конечно Голубинскій умалчиваетъ благоразумно—легенда—де!). „И вдругъ—святой „Алексѣй почему-то предпочиталъ“ этому проходимцу Преподобнаго Сергія! Какъ вамъ покажется это: почему-то? Стало быть автору непонятно это предпочтенію, стало быть авторъ полагаетъ, что Митяй былъ не хуже Сергія?... „Михаила, видите ли, очернилъ предъ потомствомъ митр. Кириіанъ, у котораго онъ восхитилъ было кафедру митрополіи“, это Кириіанъ написалъ „худительное сказаніе“ о Митяѣ... Удивительная страсть: нес, что доселѣ хвалили, унижать, все, что бранили, хвалить“...

Совершенно правда, что я держусь новаго мнѣнія противъ предшествующихъ историковъ объ архимандритѣ Михаилѣ, по прозванію Митяѣ; но это вовсе не по моей страсти хвалить то, что бранять другіе, и бранить то, что хвалятъ другіе, а потому, что я убѣжденъ въ основательности своего новаго мнѣнія. Извѣстны примѣры несправедливости исторіи къ людямъ, т. е. что люди весьма хоро-

¹⁾ См въ октябрьской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“.

шіе слыли и слывуть въ ней за людей весьма худыхъ; Митяй, по моему твердому убѣжденію, принадлежитъ именно къ числу людей, къ которымъ была несправедлива наша исторія; возстановить его репутацію я считаю своимъ долгомъ и исполненіе этого долга я вмѣняю себѣ въ заслугу (а люди, подобные анониму, могутъ смѣяться надо мной, сколько хотить). Въ лѣтописяхъ читаются двѣ біографіи Митяя: одна, идущая изъ лагеря враждебнаго ему (какъ и увѣрять и имѣю основанія думать, -- отъ митр. Кипріяна): въ этой біографіи онъ сильно порицается; другая, принадлежащая не хулителю его, но и не пристрастному его стороннику: въ этой второй біографіи онъ превозносится до небесъ и выставляется человѣкомъ феноменальнѣйшимъ. Если мы нѣсколько и сбавимъ съ похвалъ второй біографіи, то все таки останется передъ нами человѣкъ замѣчательнѣйшій ¹⁾). Говорится о Митяѣ, что все духовенство ненавидѣло его и молило Господа Бога, чтобы онъ не сталъ митрополитомъ. Изъ этого заключаютъ, что Митяй былъ человѣкъ пехоршій. А дѣйствительное заключеніе изъ этого

1) Чтобы не быть обвинену въ голословности, привожу недлинную біографію въ примѣчаніи. „Подобаетъ же вѣдати, кто есть архимандритъ Митяй и откуда бѣ родомъ: сей убо архимандритъ Митяй, сынъ Тѣшиловскаго попа Ивана, иже на рѣцѣ Ожѣ, и потомъ Митяй бысть единъ отъ Коломенскихъ поповъ, возрастомъ (ростомъ) же великъ зѣло и широкъ, высокъ и напругъ (силенъ, мускулистъ), плечи (имѣя) великіи и толсты. брада плоска и долга, и лицемъ красенъ (красивъ), рожаемъ и саломъ (наружной представительностію и наружной красотой) превзыде всѣхъ человѣкъ; рѣчь легка и чиста и громогласна, гласъ же его красенъ зѣло, износящъ словеса и рѣчи сладостны зѣло, грамотѣ добръ гораздо. Теченіе веліе имѣя по книгамъ, и виду книжную толку, и чтеніе сладко и премудро, и книгами глаголати премудръ зѣло и вѣстоже обрѣтаеть таковъ. И пѣти парочить, и въ дѣлахъ и въ судехъ и въ разсуженіяхъ изыщень и премудръ, и слово и рѣчь чисту и незакоснѣвающу имѣя и память велію; и древними повѣстьми и книгами и притчами духовными и житейскими вѣстожъ таковъ обрѣтаеть глаголати, и того ради избранъ бысть хотѣніемъ и любовію великаго князя Дмитрея Ивановича во отечества (sic, т. е. въ духовные отцы) и въ печатники. И бысть поць Митяй отецъ духовный великому князю Дмитрію Ивановичу и печатникъ, южь (т. е. печать, — тутъ, очевидно, пропускъ) на себѣ пошаше. И прихожахужъ къ нему на духъ бояре и вельможи; и бысть Митяй вонъ въ чти и славъ отъ великаго князя и отъ всѣхъ, и яко нѣкѣй царь величается, и многи слуги и отроки имѣя. И бысть въ таковомъ чину и устроеніи многа лѣта, славу

есть то, что онъ былъ человѣкъ изъ ряду вонъ хорошій (апонимъ, конечно, поспѣшить захохотать, но только напрасно, по пословицѣ: поспѣшишь, насмѣшишь). Вступивъ въ управленіе митрополіей тотчасъ послѣ смерти св. Алексія (на что уполномоченъ былъ патріархомъ), онъ тотчасъ же принялся за суровый „переборъ“ не отличавшагося тогда большою доброкачественностію духовенства, причемъ не щадилъ даже и епископовъ, т. е. показалъ желаніе исправить духовенство и съ поспѣшностію приступилъ къ исполненію желанія; естественно, что духовенство, ожидая въ немъ строгаго своего исправителя, возненавидѣло его и начало молить Бога, чтобы онъ не сталъ митрополитомъ. Св. Алексій, пытавшійся было назначить на свое мѣсто преп. Сергія, потомъ благословилъ Митяя въ свои преемники и далъ ему свою благословенную грамоту,—это мы знаемъ отъ такого достовѣрнаго свидѣтеля, какъ митр. Кипріанъ (который сильно укоряетъ за грамоту св. Алексія). Еще при жизни св. Алексія было отправляемо изъ Москвы посольство въ Константинополь къ патріарху съ просьбою, чтобы въ случаѣ смерти его — Алексія не былъ признаваемъ отъ патріарха за митрополита всея Руси митрополитъ литовскій Кипріанъ, а былъ поставленъ въ таковыя Митяй, и отъ патріарха была получена въ Москвѣ грамота, въ которой изъявлялось полное согласіе на просьбу и которою въ случаѣ смерти св. Алексія вручалась Михаилу вся власть надъ русскою церковію кромѣ рукоположенія,—это извѣстно документальнымъ образомъ, изъ официальной бумаги.

Совершенно ни откуда не видно, чтобы прозваніе или прозвище Митяй, которое имѣлъ архимандритъ Михаилъ, дано было ему въ Пасмѣшку. Но если бы это было и такъ, то и изъ сего ничего бы не слѣдовало, ибо мы знаемъ примѣры совершенно несправедливыхъ насмѣшливыхъ прозваній. Современника Митяева, св. Стефана Пермскаго

и честь имѣя велию наче всѣхъ... и всѣ чествоваху его якоже нѣкоего царя. И что прочее глаголати, никтоже въ таковой чести и славѣ бысть, якоже онъ, понеже и отецъ (духовный) бысть великому князю и властно-вашеся, кождо (еликождо?) хотяше, и много лѣтъ бысть въ таковомъ житіи и устроеніи, любляху ево вси... Князь же великій любляше его зѣло, такоже и бояре его...; князь великій Дмитрей Ивановичъ зѣло любляше Митяя и чествоваше его. яко отца, наче всѣхъ"... *Никон. лѣт. IV, 68.*

анонимъ, конечно, не считаетъ за худаго человѣка; а между тѣмъ жизнеописатель его,—тотъ же Елифаній, который написалъ житіе преп. Сергія, укоряя его недоброжелателей, говоритъ: „знаемъ бо мы и тѣхъ, иже и прозвища ти кидаху, отнюдуже нѣщны яко и храпомъ ты зваху“... (Памятники старинной русской литературы, изд. *Кушел. - Безбородко*. I, 161). Когда я говорю, что св. Алексій почему-то предпочиталъ Михаилу-Митю преп. Сергія, то я рѣшительно не имѣю намѣренія сказать что нибудь оскорбительное для преподобнаго и анонимъ совершенно напрасно приходитъ въ страшное (нужно, впрочемъ, думать, что дѣланное) негодованіе. Слова мои относятся не къ Сергію, а къ Алексію (какъ это ясно видно въ ихъ полномъ видѣ: „по онъ (Митяй) почему-то не совѣмъ правился святому Алексію и зтотъ предпочиталъ ему Сергія“,—стр. 43). Я хочу сказать: св. Алексій зналъ, что у вел. кн. Дмитрія Ивановича Донскаго предъизбранъ былъ въ преемники ему архимандритъ Михаилъ-Митяй, и однако онъ пытался было назначить въ свои преемники преп. Сергія: очевидно, поясняю я это, что Митяй не совѣмъ правился св. Алексію и что святитель предпочиталъ ему, т. е. предпочиталъ видѣть своимъ преемникомъ, преп. Сергія. Что тутъ обиднаго для послѣдняго и есть ли основаніе приходиться отъ моихъ словъ въ страшное негодованіе? Притомъ же я, конечно, говорю съ моей точки зрѣнія на Митяя, а не съ точки зрѣнія на него другихъ, т. е. считая его за человѣка выдающагося хорошаго, а не за человѣка очень дурнаго, что въ книгѣ я объясняю. Равнымъ образомъ я объясняю въ книгѣ и то, что Михаилъ-Митяй имѣлъ гнѣвъ на преп. Сергія по извинительному недоразумѣнію, при чемъ высказываю увѣренность, что въ случаѣ, если бы Михаила не постигла скорая смерть, недоразумѣніе разъяснилось бы и онъ примирился бы съ преподобнымъ (стр. 44).

Когда анонимъ укоряетъ меня за то, что я не смотрю на житіе преп. Сергія, составленное Елифаніемъ, какъ на писаніе богодухновенное: то укоръ его, о чемъ мною говорено было выше, долженъ быть признанъ за совершенно неосновательный.

„Изъ стремленія сказать „новое слово“ Голубинскій передѣлываетъ всю хронологию житія Пр. Сергія. Обычно изслѣдователи стараются согласить

противорѣчія, по возможности, въ тѣхъ данныхъ, какія уже имѣются: онъ не задумывается просто свои предположенія выдавать за факты и ими оправдывать свою хронологію. Такъ Епифаній говоритъ, и въ этомъ до- селѣ никто не сомнѣвался, что Пр. Сергій сдѣланъ игуменомъ въ то время, когда святой Алексій былъ въ Царьградѣ въ 1354 г. Голубинскій „полагаетъ“, что это „неладно“, и говоритъ, что это событіе „нужно“ относить къ 1340—1341 г. когда митрополитъ Θεогностъ ѣздилъ въ Орду. Голубинскій сказалъ, что нужно: значить, показаніе Епифанія не имѣеть никакого значенія, значить, братъ Пр. Сергія Стефанъ, со словъ кото- рого Епифаній писалъ, забылъ и спуталъ хронологію на цѣлыхъ 14 лѣтъ, значить и старцы, ученики Сергіевы, вѣроятно свидѣтели событія. тоже всеъ перезабыли, когда ихъ игуменъ былъ произведенъ въ сей санъ... Одинъ Голубинскій все это знаетъ отлично, онъ спустя 500 лѣтъ все это исправляетъ безъ церемоній, и какъ не удивляться его прозорливости и великому уму? .. Ну, въ с момъ дѣлѣ: можно ли, позволительно ли такъ обращаться съ первоисточниками житія Преподобнаго?

Что хронологія жизни преп. Сергія страдаетъ у Епифа- нія противорѣчїями и не совершенно надежна, это есть фактъ общезвѣстный. Слѣдовательно, не обладая положи- тельными и достовѣрными свѣдѣніями относительно хроно- логіи, мы только можемъ болѣе или менѣе вѣроятнымъ об- разомъ установить ее; а для этого мы неизбѣжно должны прибѣгать къ соображеніямъ и предположеніямъ, за которые такъ жестоко казнить меня анонимъ. Онъ съ своей стороны говоритъ: „Обычно изслѣдователи стараются согласить про- тиворѣчїя, по возможности, въ тѣхъ данныхъ, какія уже имѣются“... Мысль высказана имъ не совсѣмъ ясно и мы не вполнѣ понимаемъ его; но если онъ разумѣетъ согла- шеніе противорѣчїй чрезъ избраніе между ними середины: то онъ даетъ смѣшной совѣтъ дѣлать то, что ужъ давно пытано и что уже давно осмѣяно (изъ противорѣчащихъ хронологическихъ показаній Епифанія слѣдуетъ, что преп. Сергій родился въ 1314-мъ или 1322-мъ году; одинъ уче- ный поступилъ было съ противорѣчіемъ очень просто, — взялъ было среднюю цифру; но другіе ученые надъ этимъ только посмѣялись). Не поднимая всей Епифаніевой хроно- логіи жизни преп. Сергія, что потребовало бы слишкомъ длинныхъ рѣчей, отвѣчу на то частное обвиненіе, которое предъявляетъ ко мнѣ анонимъ, именно — что я, отвергая ясное показаніе Епифанія о поставленіи преп. Сергія въ игумены въ 1354-мъ году, отношу это поставленіе къ го- раздо болѣе раннему времени. Основанія, по которымъ я

отношу поставленіе преп. Сергія въ игумены не къ 1354-му году, а къ гораздо болѣе раннему времени, суть слѣдующія. Вопервыхъ, мы имѣемъ тотъ несомнѣнный фактъ, что преп. Сергій ввелъ въ своемъ монастырѣ общежитіе по грамотѣ патр. Филоосея. Патр. Филоосей занималъ каоедру два раза: въ первый разъ очень недолгое время съ мая 1354-го года по начало слѣдующаго 1355-го года; во второй разъ съ конца 1364-го года по конецъ 1376-го года. Относитъ введеніе общежитія ко второму патріаршеству значило бы относить его къ слишкомъ позднему времени, противъ котораго говорятъ и простыя соображенія и имѣющіяся у насъ положительныя данныя и указанія, о чемъ см. въ моей книгѣ, стр. 90, прим. 28. Но если введеніе преп. Сергіемъ въ своемъ монастырѣ общежитія со всею вѣроятностію нужно относить не ко второму патріаршеству Филоосея, а къ первому или къ 1354-му году: то изъ сего будетъ слѣдовать, что поставленіе преп. Сергія въ игумены нужно относить къ значительно болѣе раннему времени, ибо между его поставленіемъ въ игумены и между введеніемъ имъ въ своемъ монастырѣ общежитія долженъ быть полагаемъ значительный промежутокъ времени. Во вторыхъ, если бы принимать, что преп. Сергій поставленъ былъ въ игумены въ 1354-мъ году, то нужно было бы принимать, что монастырь его оставался безъ игумена около 12-ти лѣтъ (какъ это и принимаютъ тѣ, которые относятъ поставленіе преп. Сергія въ игумены къ 1354-му году; см. напр. житіе преп. Сергія, принадлежащее о. Никону, 2-го изд. стр. 76). Но принимать это я нахожу рѣшительно невѣроятнымъ. Епифаній ясно даетъ знать, что до поставленія преп. Сергія въ игумены не было въ монастырѣ іеромонаха и что первымъ іеромонахомъ монастыря былъ именно самъ преп. Сергій, который одновременно съ тѣмъ, какъ быть поставлену въ игумены, былъ посвященъ и въ іеромонахи. Но чтобы цѣлыя 12-ть лѣтъ преп. Сергій и братія его монастыря не находили неудобнымъ призывать къ себѣ для совершенія литургіи какого-либо игумена-старца (іеромонаха) или приходскаго священника, это вовсе не можетъ быть принято. Съ другой стороны, игумены въ древнее время были не совсѣмъ то, что нынѣ: они были обязательными духовниками братій, къ которымъ братія приходила съ своими грѣ-

хами и грѣховными помыслами не по два -- по три раза въ годъ, а еженедѣльно и даже ежедневно (sic, т. е. именно такъ). И допустить, чтобы преп. Сергій и братія его монастыря цѣлыя 12-ть лѣтъ могли обходиться безъ своего духовнаго отца, опять представляется рѣшительно невѣроятнымъ. Епифаній разсказываетъ, что братія монастыря, обратившись къ Сергію съ просьбою о дарованіи монастырю игумена, говорили ему: „отче, не можемъ жити безъ игумена“ (литограф. изд. л. 96); но чтобы они сказали Сергію: „не можемъ жити безъ игумена“ только уже спустя 12-ть лѣтъ жизни, это значило бы имѣть о нихъ, — а они представляли собою первыхъ сподвижниковъ преподобнаго, слишкомъ плохое мнѣніе. Вотъ основанія, по которымъ я въ своей книгѣ отношу поставленіе преп. Сергія въ игумены не къ 1354-му году, а къ гораздо болѣе раннему времени. Но теперь я могу привести въ свою пользу положительное доказательство, которое при писаніи книги, благодаря тому обстоятельству, что я крайне стѣсненъ былъ временемъ, я опустилъ изъ вида. Есть старый каталогъ игуменовъ — архимандритовъ Троицкаго монастыря, и въ каталогѣ этомъ по всѣмъ извѣстнымъ спискамъ его говорится, что преп. Сергій былъ игуменомъ въ продолженіе 48-ми лѣтъ. Такъ какъ преп. Сергій скончался въ 1392-мъ году, то по этому показанію лѣтъ его игуменства будетъ слѣдовать, что онъ поставленъ въ игумены въ 1344-мъ году. Это нѣсколько разнится отъ того, что принимаю я въ книгѣ, но совершенно оправдываетъ меня относительно того, что поставленіе преп. Сергія въ игумены я не полагаю въ 1354-мъ году, а отодвигаю далеко назадъ отъ послѣдняго года. Въ книгѣ я предполагаю, что преп. Сергій поставленъ въ игумены епископомъ Переяславскимъ Аванасіемъ потому, что митр. Феогностъ уѣзжалъ изъ Москвы (стр. 89, прим. 21); но можетъ быть предполагаемо причиной того, что преп. Сергій былъ поставленъ въ игумены не самимъ митрополитомъ, и не это отсутствіе митрополита изъ Москвы, а то, что мѣстность, въ которой находился монастырь преподобнаго, была предоставлена митрополитомъ въ управленіе епископу Аванасію, дабы доходы съ мѣстности служили для него — епископа средствомъ содержанія.

Но какъ же быть съ тѣмъ, что Епифаній, писавшій жи-

тіе преп. Сергія со словъ старцевъ монастыря, которые знали всю жизнь преподобнаго ото дня его рожденія, и со словъ его старшаго брата Стефана, прямо и ясно говорить, что Сергій былъ поставленъ въ игумены жившимъ въ Переяславѣ епископомъ волынскимъ Аонасіемъ въ то время, какъ св. Алексій находился въ Константинополѣ, иначе сказать — прямо и ясно говорить, что преп. Сергій былъ поставленъ въ 1354-мъ году? Т. е. мы хотимъ сказать, какъ же Елифаній при сейчасъ означенныхъ условіяхъ могъ допустить ошибку въ годѣ поставленія преп. Сергія въ игумены? Обстоятельно отвѣтить на этотъ вопросъ, т. е. съ прямымъ указаніемъ, что именно ввело Елифанія въ ошибку, мы не въ состояніи. Но что Елифаній могъ сдѣлать ошибку, это доказывается намъ примѣромъ другой равносильной его ошибки. Опъ говорить, что преп. Сергій, жившій всего 78 лѣтъ и скончавшійся въ 1392-мъ году, былъ по рожденію одногодникомъ съ такими событіями, которые имѣли мѣсто въ 1322-мъ году (что онъ родился въ годъ такихъ-то событій, которые имѣли мѣсто въ этомъ 1322-мъ году), тогда какъ на самомъ дѣлѣ годомъ его рожденія былъ 1314-й годъ, т. е. допускаетъ ошибку на цѣлыя 8 лѣтъ. Въ области непамятныхъ алопому предположеній можетъ быть сказано слѣдующее. Елифанію очень хорошо было извѣстно, что посвятителемъ преп. Сергія въ игумены былъ епископъ Аонасій, ибо Сергій, личнымъ ученикомъ котораго онъ былъ, какъ необходимо думать, чтить память епископа нарочитыми поминовеніями (это и до сихъ поръ считается у священниковъ обязательнымъ въ отношеніи къ посвящавшимъ ихъ архіереямъ, такъ какъ служебникъ вмѣняетъ имъ въ обязанность поминать названныхъ архіереевъ даже за каждой литургіей, см. чинъ проскомидіи); но онъ писалъ житіе Сергія спустя болѣе чѣмъ 50 лѣтъ послѣ поставленія преподобнаго въ игумены, когда могло быть забыто, почему именно поставилъ его въ игумены не самъ митрополитъ, а епископъ Аонасій; доискиваясь причины этого, Елифаній предположилъ, что причиной этого было отсутствіе изъ Москвы или небытіе въ Москвѣ митрополита; подъ небытіемъ ему почему либо показалось самымъ вѣроятнымъ разумѣть то небытіе, когда св. Алексій находился въ Константинополѣ для поставленія въ митрополиты, — и вотъ

это свое предположеніе опъ и высказалъ въ видѣ прямого положенія или положительнаго извѣстія (какъ то въ старое время было обычно и какъ то позволяютъ собѣ дѣлать и нѣкоторые новые историки, не любящіе предположеній). Такъ, говоримъ, представляется намъ вѣроятнымъ объяснить ошибку Елифаніеву. Но если бы кто могъ объяснить ее болѣе удовлетворительнымъ образомъ, то мы нисколько не стали бы спорить.

„Можно бы и еще привести примѣры суемудрія автора, но довольно и этого. Укажемъ въ заключеніе на характерныя особенности его неподражаемаго языка. Здѣсь, ради оригинальности, онъ не щадитъ ни русскаго слуха, ни русскаго грамматикки. Судите сами: „были застаты имъ старцы“ (стр. 77), его само онъ подвергъ (79), былъ было отданъ приказъ (120), по-за кельямъ (15), по-за рвамъ (161), заставленный удалиться изъ Кіева (61), монастырь Стромынский, или Дубенскій, находившійся въ 50 верстахъ на сѣверовостокъ отъ Москвы, при селеніи Стромыни, на рѣчкѣ Дубенкѣ, впадающей въ Шерну, притокъ рѣки Клязьмы, въ настоящее время несуществующій“... Что же не существуетъ: притокъ или монастырь? (46) „Димитрій Донской 20 августа выступилъ не только изъ Москвы, но и изъ Коломны“... Какъ это? Вѣдь Коломна отъ Москвы въ 113 верстахъ: какъ же это В. Князь успѣлъ въ одинъ день дойти до Коломны и выйти изъ нея? Ужъ не по желѣзной ли дорогѣ? . „Необходимо думать—такъ! „Повсюду въ книгѣ нестрѣютъ слова неудобнопроизносимыя и не совсѣмъ благозвучныя: „общинножитный“, „особножитный“. Страсти къ оригинальничанью такъ и чувствуется въ этихъ словахъ. А употреблѣть ихъ приходится часто, потомучто Голубинскій считаетъ Пр. Сергія реформаторомъ монашества на Руси: опъ, какъ извѣстно, ввелъ общежитіе (по его произношенію: общинножитіе) въ монастыряхъ на сѣверѣ Руси. Авторъ представляетъ дѣло такъ: Пр. Сергію, по соглашенію съ св. Алексіемъ, заданъ цѣлью учредить общежитіе въ своей обители, чтобы потомъ ввести его повсюду. Эту мыслью опъ занять былъ раньше, едва ли не тогда еще, когда одинъ жилъ въ пустынѣ. Все было задумано и устроено какъ по писанному плану. И опять этотъ взглядъ на дѣло не мирится съ общепринятымъ мнѣніемъ біографовъ угодника Божія. Естественное думать, что и мысль объ общежитіи, и осуществленіе ея явились у Пр. Сергія постепенно: вѣдь опъ смотрѣлъ на себя слишкомъ смиренно, чтобы затѣвать что либо новое самому, чтобы быть инициаторомъ въ дѣлахъ, имѣющихъ общественно-церковное значеніе. Опъ можетъ и думалъ объ общежитіи въ своей обители, но ждалъ воли Божіей на то, ждалъ и молчалъ, тѣмъ богае, что братія не особенно сочувственно относилась къ этой его мысли, а ради формы опъ не считалъ себя въ правѣ безъ особеннаго указаія Промысла Божія измѣнять порядки, лишь бы жили такъ, какъ подобаетъ монахамъ, а его ученики жили конечно примѣрно. Когда пришла на то воля Божія, получено отъ патріарха посланіе, тогда опъ и рѣшился, съ благословенія своего друга св. Алексія, учредить общежитіе. Такъ намъ представляется дѣло, при свѣтъ, какой идетъ отъ духовнаго облака

самого Угодника Божія. Но Голубинскому дѣло „представляется иначе“, не такъ, какъ пишетъ Епифаній и какъ доселѣ все мы думали о томъ.— Да, если сказать правду, то общежитіе его кажется несомнѣнно похоже на общежитіе иноческое: пожалуй и хорошо, что онъ для него придумалъ особое слово, вмѣсто общеупотребительнаго“.

Хотя анонимъ и говоритъ, что онъ привелъ довольно примѣровъ моего сусумудрія, но на самомъ дѣлѣ онъ не привелъ ни одного примѣра. Это весьма утѣшаетъ меня. Если человѣкъ, питающій ко мнѣ сильную личную вражду и читавшій мою книгу со всеѣмъ возможнымъ вниманіемъ, изъ желанія пайдти въ ней погрѣшности, ничего не указываетъ, то дастся мнѣ право думать, что книга моя—очень и очень сносная книга. Это утѣшаетъ меня тѣмъ болѣе, что, какъ уже я сказалъ, при писаніи книги я крайне стѣсненъ былъ временемъ.

Когда анонимъ называетъ мой языкъ неподражаемымъ, то, конечно, разумѣетъ неподражаемость въ дурномъ смыслѣ, а неподражаемый въ дурномъ смыслѣ значить изъ рукъ вонъ плохой, такой худой, хуже котораго ничего не можетъ быть. Я не выдавалъ и не выдаю себя за первокласснаго стилиста; но чтобы мой языкъ былъ изъ рукъ вонъ влохъ, чтобы онъ былъ такой худой, хуже котораго ничего не можетъ быть, сказать это захочетъ только человѣкъ питающій личную крайнюю ко мнѣ вражду за свое оскорбленное самолюбіе и для котораго я, разумѣется, съ погъ до головы представляю собой неподражаемость въ дурномъ смыслѣ этого слова. Если дѣйствительно есть какая своеобразность въ моемъ языкѣ (и отъ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, людей мнѣ приходилось слышать о ней одобрительные отзывы), такъ она зависитъ не отъ моего усиленнѣйшаго стремленія къ оригинальничанью, въ чемъ настойчивымъ образомъ обвиняетъ меня анонимъ, а отъ натуры. Всякій, даже и самый ничтожный, человѣкъ имѣетъ свои особенности, которыя и выражаются въ его языкѣ: французская пословица говоритъ: *style c'est l'homme*,—и тоже за долго до французовъ сказано греками.

Приводя примѣры того, будто я ради оригинальности не щаю ни русскаго слуха, ни русской грамматики, анонимъ обращается къ читателю съ словами: „судите сами“. Это ловко сказано. Это значить: если вы, читатель, человѣкъ умный и образованный, то должны согласиться со мной.

А такъ какъ читатель, разумѣется, желаетъ считать себя человѣкомъ умнымъ и образованнымъ, то возможно, что и изъяснить желаніе согласиться съ нимъ (анонимомъ). Будучи принужденъ отвѣчать вмѣсто читателя, я долженъ сказать, что приведенные анонимомъ примѣры доказываютъ не то, будто я ради оригинальности не щаю ни русскаго слуха, ни русской грамматики, а то, что онъ обладаетъ чересчуръ пѣжнымъ слухомъ, что онъ, можетъ быть, и очень порядочный стилистъ, но плохо знаетъ русскій языкъ теоретически, что онъ учился не по обыкновенной грамматикѣ, а какой то особенной. Во фразѣ: „были застаты имъ старцы“ анонимъ, вѣроятно, возмущается словомъ: „застаты“ какъ формой глагола: застать неупотребительной. Очень можетъ быть, что форма: „застаты“ и на самъ дѣлѣ мало употребительна; но она совершенно правильна грамматически, равно какъ безупречна и въ другихъ отношеніяхъ: почему же бы я, не задаваясь трудно рѣшаемымъ вопросомъ: употребительна или не употребительна форма, не могъ употребить ея? „Его само“, при чемъ разумѣется существительное: житіе, анонимъ, какъ нужно думать, находитъ выраженіемъ неправильнымъ. Но пусть онъ пересмотритъ все русскія грамматики, начиная съ грамматики Ломоносова, и онъ увидитъ, что выраженіе есть совершенно правильное выраженіе (мужск. родъ: его самого, женск. р.: ее саму, средн. родъ: его само). „Быль было“, можетъ быть, нѣсколько и бѣтъ пѣжный слухъ анонима, но во всякомъ случаѣ есть выраженіе правильное, — столько же правильное, какъ „взять было, дать было, пришло было, ушло было“ и пр. (есть народныя пословицы: „Быль было конь, да изъѣзженъ, Быль было дворянинъ, да шутъ перемѣнилъ“ и другія, начинающіяся съ „быль было“). „По-за кельямъ, по-зарвамъ“ анонимъ можетъ считать выраженіями неправильными только при своемъ незнаніи русскаго языка: двойной или сложный предлогъ „по-за“ употребляется всеми русскими людьми и въ устной и въ письменной рѣчи. Почему не одобряетъ анонимъ выраженія: „заставленный“ мы не вдругъ догадались; причина неодобрения, какъ нужно думать, есть та, что слово: заставить имѣетъ два смысла: загородить или закрыть (напр. ставнемъ) и принудить; но это нисколько не отнимаетъ ни у кого права употреблять

слово: заставить, лишь бы оно было употребляемо такъ, чтобы рѣчь не выходила двусмысленной (имѣющею тотъ и другой или неизвѣстно который смыслъ). Совершенно вѣрно, что въ нашихъ словахъ о Дубенскомъ монастырѣ есть нѣкоторое двусмысліе, происшедшее отъ недосмотра, но двусмысліе такое, которое никого не введетъ въ заблужденіе, — двусмысліе формальное, а не реальное. Итакъ, въ цѣлой книгѣ, смотрѣвъ ее весьма тщательно, анонимъ не нашолъ почти ничего погрѣшительнаго въ отношеніи къ языку (одно только это истинно „жалкое“ двусмысліе). Но я скажу ему вотъ что: статьянка его противъ меня очень не велика, и всего въ 3 четвертки или 6 страничекъ, а я нашолъ въ ней не воображаемыхъ, а дѣйствительныхъ, погрѣшностей противъ языка болѣе, чѣмъ сколько указалъ онъ ихъ въ моей книгѣ. Въ самомъ же началѣ статьи онъ пишетъ: „читателю думается, что предъ нимъ предстанетъ и жизнь ... и обстоятельства: предстанетъ обстоятельства, это правильно по грамматикѣ? „Но съ первыхъ страницъ читатель видитъ“: страницъ чего? ¹⁾).

Что „Димитрій Донской 20 августа выступилъ не только изъ Москвы, но и изъ Коломны“, относится уже не къ

¹⁾ По поводу укоровъ мнѣ со стороны анонима за мой неудовлетворительный языкъ возстаютъ въ моемъ воображеніи другой біографъ преп. Сергія, который пишетъ очень хорошимъ языкомъ (хотя и позволяетъ себѣ иногда такія вольности противъ него, какъ напр. употреблять выраженіе: „списаніе книжное“ въ смыслѣ: списываніе книгъ). Но я рѣшительно не могу принудить мою грубую натуру къ той нѣжности, которую нахожу у него. Преп. Сергія онъ сравниваетъ съ цвѣткомъ (отъ чего бы уже не съ аленькимъ цвѣточкомъ?); когда въ разсказѣ объ одномъ чудѣ преп. Сергія ему приходится говорить о свиньѣ, онъ не называетъ ее свиньей, но свинкой; благодатный огонь или огонь онъ называетъ благодатнымъ огонькомъ. При этомъ я утѣшаю себя относительно недостатковъ моего языка тѣмъ, что и у сего, пишущаго очень хорошимъ языкомъ, біографа преп. Сергія встрѣчаются такія прорухи противъ языка, что вводятъ читателей въ грѣхъ. Разсказывая о поведеніи преп. Сергія, какъ игумена монастыря, біографъ, вѣроятно, изъ желанія—придать разсказу большую наглядность, употребляетъ слово: бывало; „Прикажетъ, бывало, одѣтъ пришельца... А когда видѣлъ, бывало, что который либо инокъ... Бывало, въ глубокой вечерь... Кроткій и послушливый инокъ тутъ же, бывало, сознается“... Эти: „бывало, бывало“ придаютъ такую вульгарность рѣчи біографа, что невозможно удержаться отъ смѣха, не смотря на всю его предосудительность въ данномъ случаѣ.

языку: но у анонима въ выписанномъ отдѣлѣ *pôle-mêle* или *винигретъ*. Обмолвка можетъ случиться со всякимъ человѣкомъ; могъ и я обмолвиться такъ, чтобы выходила нелѣпность, для объясненія которой требовалось бы предполагать, что во времена Дмитрія Ивановича Донскаго были у насъ желѣзныя дороги. Ликовать надъ кѣмъ нибудь по поводу очевидной обмолвки, обвиняя этого кого-нибудь въ томъ, что онъ сказалъ, т. е. будто онъ способенъ былъ сказать, нелѣпность, почти такъ же глупо, какъ обвинять въ нелѣпности по поводу очевидной опечатки. Но когда пишутъ *насквилъ*, то не разбираютъ средствъ, — *à la guerre comte à la guerre*. Вы сдѣлали обмолвку, изъ которой слѣдуетъ нелѣпность; ergo — вы сказали нелѣпность, ergo — вы способны были сказать нелѣпность: ха, ха, ха, профессоръ академіи, докторъ исторіи, и позволилъ себѣ сгородить такую милую нелѣпность, для объясненія которой требуется предполагать, что во времена Дмитрія Ивановича Донскаго были у насъ желѣзныя дороги!.. Но что могло бы случиться, того на самомъ дѣлѣ вовсе не случилось, и анонимъ мой устроитъ себѣ свой глупый, можетъ быть — искренній, а вѣроятнѣе притворный, хохоть или благодаря тому, что онъ читалъ мою книгу не какъ слѣдуетъ, или же благодаря его нахальной увѣренности, что никто не будетъ заглядывать въ мою книгу, чтобы провѣрить его. У меня дѣйствительно стоять слова: „20-го августа онъ (Дмитрій Ивановичъ Донской) выступилъ не только изъ Москвы, но и изъ Коломны“; но вся моя рѣчь есть слѣдующая: „Великій князь пріѣзжалъ къ преподобному на сиѣхъ, — за день или въ самый день своего выхода изъ Москвы противъ непріятели (онъ былъ у Сергія 18-го Августа, а 20-го Августа онъ выступилъ)“ и пр., что выше, — стр. 47. Если я говорю, что Дмитрій Ивановичъ Донской, бывъ у преп. Сергія 18-го Августа, былъ у него или за день или въ самый день выхода изъ Москвы, то совершенно ясно, что я отношу этотъ выходъ изъ Москвы или къ 18-му или къ 19-му Августа; а если я отношу выходъ къ 18-му или 19-му Августа, то совершенно ясно, что я не отношу его къ 20-му Августа; а если такъ, то совершенно ясно, что слова мои: „20 Августа онъ выступилъ не только изъ Москвы, но и изъ Коломны“ значатъ не то, что 20-го Августа, въ одинъ день,

онъ выступилъ и изъ Москвы и изъ Коломны, а то, что 20-го онъ выступилъ уже не изъ Москвы, а изъ Коломны. Затѣмъ, вотъ мое объясненіе, что дѣло весьма и совершенно могло быть такъ, какъ я представляю его (представляю не самъ отъ себя, а на основаніи лѣтописи). Дмитрій Ивановичъ Донской ѣздилъ не въ каретѣ, въ которую впрягасмо было шесть возовиковъ и которая влекома была возовиками важнымъ шагомъ, какъ ѣздилъ царь Алексѣй Михайловичъ во вторую, по крайней мѣрѣ, половину своего правленія, а верхомъ, при чемъ иногда ѣздилъ шагомъ, иногда рысью, а иногда скокомъ, — во весь опоръ или во весь галопъ. Обстоятельства, при которыхъ онъ пріѣзжалъ къ Троицѣ, требовали, чтобы онъ ѣхалъ скокомъ — во весь опоръ, ибо во время его весьма недолговременнаго пребыванія въ монастырѣ къ нему пригоняли изъ Москвы нѣсколькихъ вѣстниковъ съ предупрежденіемъ о необходимости, въ виду движеній непріятели, торопиться (какъ я говорю о томъ въ моей книгѣ, — стр. 47). Положимъ, что Дмитрій Ивановичъ пріѣхалъ къ Троицѣ 18-го Августа по утру, часовъ въ 8-мъ, и что онъ пробылъ въ монастырѣ, слушавъ обѣдню и молебень и отобѣдавъ съ братіей въ трапезѣ, часовъ до 2-хъ по полудни. Поскакавъ отъ Троицы въ 2 часа по полудни, когда могъ онъ прискакать въ Москву? Отъ Троицы до Москвы 64 версты; скакавъ на перемѣнныхъ, предварительно разставленныхъ по дорогѣ, скакунахъ съ своеѣ великокняжеской конюшни, онъ несомнѣнно могъ скакать по 15-ти верстѣ въ часъ: слѣдовательно, онъ доскакалъ отъ Троицы до Москвы въ 4 часа и 16 минутъ или прибылъ въ Москву въ 6 часовъ и 16 минутъ вечера. Что я говорю о быстрой ѣздѣ не чтò нибудь невѣроятное, вотъ фактическое подтвержденіе моихъ словъ. Въ 1689-мъ году, ночью съ 7-го на 8-е Августа, Петръ Великій, спасаясь отъ убійцъ, ускакалъ къ Троицѣ изъ села Преображенскаго. Онъ разбуженъ былъ „немного за полночь“; въ приготовленіяхъ къ бѣгству прошло времени если не часъ, то полчаса, такъ что онъ поскакалъ въ часъ за полночь. Поскакавъ въ часъ за полночь, онъ прискакалъ къ Троицѣ около 6-ти часовъ утра (*Соловьевъ*. Ист. т. XVI, 2-го изд. стр. 116), при чемъ на скакунѣ съ своей царской конюшни скакалъ только верстѣ 20-ть, а остальные 40 верстѣ скакалъ

на первыхъ попадавшихся или на первыхъ, какія могли быть хватасмы, крестьянскихъ лошадей, и при чемъ все время скакалъ не днемъ, а ночью. Приѣхавъ отъ Троицы въ Москву 18 Августа въ 6 часовъ и 16 минутъ вечера, Дмитрій Ивановичъ пробылъ въ Москвѣ вечеръ 18-го Августа и порвую бѣльшую или меньшую половину дня 19-го Августа. Положимъ, что 19-го онъ выступилъ изъ Москвы въ полдень и что на торжественный его выѣздъ изъ столицы былъ употребленъ часъ, такъ что онъ поскакалъ въ Коломну въ одинъ часъ по полудни. Отъ Москвы до Коломны 101 верста (по Географич. Словарию *Семенова*). Скакавъ тѣ же 15 верстъ въ часъ, Дмитрій Ивановичъ долженъ былъ употребить времени на проѣздъ 6 часовъ и 44 минуты и прискакать въ Коломну 19-го Августа въ 7 часовъ и 44 минуты вечера. Прискакавъ въ Коломну 19-го числа вечеромъ, могъ ли Дмитрій Ивановичъ выступить изъ Коломны на другой день, 20-го числа?

Итакъ, мое представленіе дѣла нисколько не требуетъ предполагать, что во времена Дмитрія Ивановича Донскаго у насъ были желѣзные дороги. Но если это такъ, то я съ своей стороны знаю одного современнаго біографа прен. Сергія, который заставляетъ предполагать существованіе у насъ во времена Дмитрія Ивановича не только желѣзныхъ дорогъ, но и нынѣшнихъ ежедневныхъ газетъ и даже чуть ли не телеграфовъ. Сказавъ о побѣдкѣ великаго князя къ прен. Сергію, біографъ этотъ потомъ говоритъ: „Быстро пронеслась по лицу Русской земли молва о томъ, что Великій князь ходилъ къ Троицѣ и получилъ благословеніе и одобреніе на брань съ Мамаемъ отъ великаго старца“ и пр. Быстро разнестись молва могла бы именно въ настоящее время при существованіи желѣзныхъ дорогъ и ежедневныхъ газетъ, а въ то время быстро разнестись она никакъ не могла. Молву разнесли потомъ по лицу русской земли тѣ вошны, которые со всѣхъ концовъ земли собраны были великимъ княземъ для борьбы съ Мамаемъ и которые послѣ Куликовской побѣды были распущены по домамъ

„Повсюду въ книгѣ, говоритъ анонимъ, пестрѣютъ слова неудобнопроизносимыя и несовсѣмъ благозвучныя“, и въ подтвержденіе своего увѣренія о повсюдности находитъ возможнымъ указать и всего на одно слово: не имѣю ли я

права затянуть мое обычное: *τοῦτο γάρ ἐστιν ὁ συκοφανθης*, и пр.? Слово „общинножитіе“ какъ будто дѣйствительно есть слово неупотребительное. Но какъ слово „общезитіе“ произошло отъ выраженія: „общее житіе“, такъ слово „общинножитіе“ я произвожу отъ выраженія: „житіе въ общинѣ“, а употребленіе этого послѣдняго выраженія относительно жизни монашеской я готовъ доказать съ книгами въ рукахъ. Если анонимъ находитъ слово неудобнопроизносимымъ и не совсѣмъ благозвучнымъ, то, конечно, потому, что у него очень хрупкій (разумѣю—могущій сломаться о неудобнопроизносимое слово) языкъ и очень нѣжный слухъ. Употребляю я слово „общинножитіе“ не безъ намѣренія. Дѣло въ томъ, что обычно употребляемое слово „общезитіе“ есть слово, такъ сказать, затасканное,—что оно не рѣдко употребляется о такой монашеской жизни, въ которой и съ вѣдшей стороны весьма мало общезитія и въ которой живымъ духомъ общезитія совсѣмъ и не пахнетъ. Такъ вотъ, для рѣчей объ истинномъ общезитіи я и употребляю новое слово, чтобы отдѣлать общезитіе, о которомъ говорю и которое разумѣю, отъ всякаго другаго мнимаго общезитія...

Анонимъ увѣряетъ, будто дѣло о введеніи преп. Сергіемъ общезитія въ его монастырѣ я представляю такъ: „Пр. Сергій, по соглашенію съ св. Алексіемъ... по писанному плану“. Не совсѣмъ толковы его рѣчи и не совсѣмъ понятно, надъ чѣмъ онъ тутъ глумится; но во всякомъ случаѣ ничего подобнаго тому, что у него, я не говорю и онъ, по своему обычаю, просто сочиняетъ тутъ на меня; читатель легко можетъ убѣдиться въ этомъ, если заглянетъ въ мою книгу, въ которой я говорю о введеніи преп. Сергіемъ общезитія въ его монастырѣ на стр. 20—23 (замѣчательно, что анонимъ, когда не перевираетъ меня и не навираетъ на меня, прямо цитуетъ страницы моей книги; а когда перевираетъ и навираетъ, то не дѣлаетъ этого; въ послѣднемъ случаѣ онъ отнимаетъ у читателя возможность повѣрить себѣ, ибо хотя по приложенному къ книгѣ подробному оглавленію читатель и найдетъ мѣсто, въ которомъ я говорю о какомъ либо предметѣ нарочито, но у него всегда останется подозрѣніе, не говорю ли я о предметѣ еще гдѣ нибудь не нарочито, чего въ оглавленіи не указано). Слова анонима: „И опять этотъ взглядъ“..., какъ

говорящія о взглядѣ, котораго я вовсе не заявляю, не имѣютъ никакого смысла. Что преп. Сергій еще до постриженія въ монахи былъ особыхъ взглядовъ на монашество, это совершенно ясно изъ того, что для постриженія въ монахи и для монашества (я бы сказалъ: для монашествованія, по боюсь переломить хрупкій языкъ анонима) не пополь въ монастырь, что было бы дѣломъ обычнымъ, а, что было дѣло совсѣмъ необычнымъ, пополь въ пустыню. Пока онъ жилъ въ пустынѣ одинъ, конечно, онъ не думалъ объ общежитіи, потому что одному думать объ общежитіи невозможно. Скоро ли началъ онъ думать объ общежитіи послѣ того, какъ собрались къ нему братія и около его кельи составился монастырекъ, я не знаю и въ книгѣ ничего объ этомъ не говорю; но думаю и увѣренъ, что весьма скоро. Въ своемъ поведеніи какъ игумена монастыря преп. Сергій явно старался подражать преп. Оеодосію Печерскому, о чемъ я говорю въ книгѣ (стр. 24 fin.). Съ полною вѣроятностію должно думать, какъ я тоже говорю въ книгѣ (*ibid.*), что къ введенію общежитія подвигнулъ преп. Сергія древній примѣръ преп. Оеодосія. Но, принимая это, со всею вѣроятностію нужно думать, что онъ хорошо познакомился съ житіемъ преп. Оеодосія, какъ отца нашего русскаго монашества,—что онъ читалъ и перечитывалъ его, когда еще одинъ жилъ въ пустынѣ („съ полною вѣроятностію должно думать... со всею вѣроятностію нужно думать“,— это приведетъ моего анонима въ бѣшенство: но пусть себѣ бѣснуется на доброе здоровье). Сражаясь съ мельницами или съ собственной на меня выдумкой, анонимъ говоритъ: „Естественнѣе думать“... Да и я вовсе не говорю, что это не естественно, и вовсе не думаю говорить, что сегодня преп. Сергій дополь до мысли объ общежитіи, а завтра уже началъ приводить ее въ исполненіе.

Дальнѣйшія рѣчи анонима въ этомъ отдѣлѣ представляють изъ себя нѣчто истинно плачевное по отношенію къ его репутаціи какъ книжника (книжнаго или до нѣкоторой степени образованнаго человѣка) и какъ монаха (каковаго онъ заставляетъ предполагать въ себѣ). „Вѣдь онъ, говоритъ анонимъ о преп. Сергіи, смотрѣлъ на себя слишкомъ смиренно, чтобы затѣвать (не считаетъ анонимъ этого слова весьма вульгарнымъ въ данномъ случаѣ?) что либо самому,

чтобы быть инициаторомъ въ дѣлахъ, имѣющихъ общественно-церковное значеніе“. Неужели анонимъ поставляетъ великое смиреніе святыхъ въ томъ, будто они отказывались отъ дѣлъ, которыя считали важными и желательными? Странное это было бы смиреніе! А что касается до инициативы, такъ никто и не говоритъ, чтобы преп. Сергій взялъ ее на себя,—я именно и говорю, что преп. Сергій ввелъ у себя общежитіе по согласію съ св. Алексіемъ, а св. Алексій представлялъ собою главу, верховнаго пастыря русской церкви. „Онъ можетъ быть и думалъ объ общежитіи... жили, конечно примѣрно“. Ждать воли Божіей такъ, какъ представляетъ дѣло анонимъ, значило бы со стороны преп. Сергія искушать Бога, а искушать Бога есть такой тяжкій грѣхъ, что усвоить его преп. Сергію было бы великой на него худой. Гораздо лучше было бы для анонима, если бы онъ не написалъ этихъ несчастныхъ словъ: „а ради формы онъ не считалъ себя“ и пр. Если анонимъ считаетъ замѣну особножитія общежитіемъ не болѣе, какъ только замѣною одной внѣшней формы монашеской жизни другою внѣшнею формою жизни: такъ онъ (хотя, можетъ быть, и монахъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ истинномъ монашествѣ,—такъ онъ не заглядывалъ въ Василія Великаго, который есть законоположникъ нашихъ монаховъ, и ни въ одного изъ древнихъ отцовъ, которые говорятъ о монашествѣ, такъ онъ есть... право, я и не знаю, что онъ есть (не заглядывая въ отцовъ, пусть анонимъ возьметъ хоть богослужебный уставъ и прочтетъ въ немъ главы 34—46: и изъ него онъ получитъ настолькоъ достаточное понятіе объ общежитіи, чтобы не говорить, будто въ отношеніи къ особножитію оно не болѣе какъ только одна внѣшняя форма). Послѣ своего вранья анонимъ самодовольно говоритъ: „Такъ намъ представляется дѣло при свѣтѣ, какой (который?) идетъ отъ духовнаго облика самого Угодника Божія“. Увѣряемъ его, что такъ представляется ему дѣло при свѣтѣ, который идетъ не отъ духовнаго облика самого Угодника Божія, а отъ кого-то или отъ чего-то совсѣмъ другаго,—что его обманываетъ какой то ложный свѣтъ...

„Да если сказать правду, то общежитіе его кажется... вмѣсто употребительнаго“. Я говорю въ моей книгѣ о монашескомъ общежитіи довольно обстоятельно (стрр. 20 fin. Sgg,

24—27), и любопытно было бы мнѣ видѣть, какъ анонимъ опровергалъ бы меня, ибо, опровергая меня, онъ опровергалъ бы Василія Великаго и преп. Оеодора Студита, на основаніи которыхъ, какъ двухъ законоположниковъ нашего монашества, я говорю объ общежитіи. Да, тутъ мы увидѣли бы истинно поучительный примѣръ того, какъ изъза личной вражды человѣкъ готовъ отвергать все („если ты вѣруешь въ Бога, такъ я не вѣрую въ Бога“...).

„Еще объ одной оригинальности языка Голубинскаго. Онъ употребляетъ слово „нашъ“ въ особенномъ, ему только свойственномъ смыслѣ. Вотъ образцы: Кромѣ нашего житія монахъ Епифаній написалъ другое житіе (75), ставить нашего вида монастыри (66) лѣтопись говорить о нашей рати (85), наше преданіе создалось (101), рукописи принадлежали нашему Елисею (103) и под. Эта манера иногда ставить читателя въ тупикъ: авторъ говорить напр. „въ монастырѣ разсказываются о попыткѣ стрѣльцовъ убить Петра во время нашей бытности его у Троицы“... (352) Но позвольте, г. авторъ: развѣ вы жили при Петрѣ Великомъ и были тогда у Троицы? „Извѣстные основатели монастырей, прежде чѣмъ строить монастыри, болѣе или менѣе подвизались подолгу нашимъ подвигомъ“... Но какимъ же это вашимъ подвигомъ?! И пр., и пр“.

Тутъ анонимъ можетъ торжествовать падо мной полную и совершенную побѣду. О моемъ не совѣмъ похвальномъ пристрастіи къ „нашъ“, наша, наше“, и о моемъ упорствѣ въ этомъ пристрастіи я не одинъ разъ слышалъ замѣчанія и отъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ, т. е. нашихъ академическихъ. Но, давъ анониму отторжествовать его побѣду, я скажу ему относительно всѣхъ его ничтожнѣйшихъ и неосновательныхъ придирокъ къ моему языку: если бы я не зналъ, что человѣкъ сжигается огнемъ личной вражды ко мнѣ, и считалъ его не имѣющимъ никакихъ личныхъ ко мнѣ отношеній, то я безъ труда доказалъ бы, что человѣкъ этотъ, для котораго два не совѣмъ удачныя выраженія въ книгѣ и двѣ не совѣмъ ладно поставленныя въ ней запятая отнимають у книги всякое достоинство, хотя бы она и имѣла дѣйствительныя достоинства,--- что человѣкъ этотъ принадлежитъ къ числу олицетворяющихъ собою мелкую злость и возбуждающихъ отвращеніе къ себѣ правдивныхъ уродовъ.

Наконецъ, „последнее“ и самое важное сказаніе!

„Добрую половину книги г. Голубинскаго составляетъ Путеводитель по Лаврѣ“, но мы предоставляемъ разсмотрѣніе его другимъ, болѣе знакомымъ съ обителью преп. Сергія въ ея прошломъ и теперешнемъ состояніи.

Памѣ хотѣлось лишь подѣлиться съ читателями впечатлѣніемъ, полученнымъ нами при знакомствѣ съ новой книгой ученаго московскаго профессора, и сдѣланныя нами замѣчанія направлены главнымъ образомъ противъ общей, ему только свойственной, манеры писать, или, такъ сказать, противъ - „господствующей въ немъ способности—f culte maitraïsse“, выражаясь словами Тэна—опредѣлять и оцѣнивать историческихъ личностей. Впрочемъ, кто знакомъ съ его „Исторіей русск. церкви“, тотъ знаетъ, что это—историкъ, отъ котораго вѣсть холодомъ могилы, ученый, доводящій скептическую и докторально-пренебрежительное отношеніе къ родному прошлому до положительнаго отрицанія во всемъ этомъ прошломъ русской жизни „духа жива“. Какой наукѣ онъ служить, какому богу поклоняется?..“

Въ словахъ: „Впрочемъ, кто знакомъ съ его „Исторіей“... Какой наукѣ онъ служить, какому богу поклоняется“... пасквилянть хотеть представить меня ужаснымъ и загадочнымъ чудовищемъ, ибо что можетъ быть ужаснѣе человѣка, отъ котораго вѣсть холодомъ могилы и который такъ сказать не признаетъ ничего святаго, и не составляетъ ли загадки человѣкъ, относительно котораго неизвѣстно, какой наукѣ онъ служить и какому богу поклоняется? Назвать человѣка ужаснымъ чудовищемъ очень легко, столько же легко какъ сказать кому нибудь, что вы милый и прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ. Но назвать такъ человѣка безъ приведенія какихъ либо доказательствъ не значить ли это дозволить себѣ по отношенію къ человѣку возмутительную диффамацию (возмутительное посягательство на честь и доброе имя человѣка)? Какъ, скажетъ пасквилянть, я не привожу доказательствъ,—и ссылаюсь на вашу Исторію русской церкви? Это, конечно, такъ, по показываете ли вы и доказываете ли хоть единымъ словомъ, будто я въ моей Исторіи русской церкви довожу скептицизмъ и докторально-пренебрежительное отношеніе къ родному прошлому до положительнаго отрицанія во всемъ этомъ прошломъ русской жизни „духа жива“? Нѣтъ, вы это лишь говорите съ докторальностью пасквилянта. Не намѣреваясь тащить диффаматора въ судъ, я не справлялся у адвокатовъ: имѣлъ ли бы я право на это по нашимъ положительнымъ законамъ о диффамацин и могъ ли бы я при этомъ быть увѣреннымъ, что диффаматоръ будетъ осужденъ. Но отдаю его на судъ чести и совѣсти или на третейскій судъ всѣхъ порядочныхъ людей... Выполнѣ увѣренъ

я, что всёми порядочными людьми будетъ произнесено ему суровое осужденіе.

Но когда диффаматоръ утверждаетъ, будто отъ меня вѣтъ холодомъ могилы, то онъ не разобралъ, откуда ему вѣтъ. Ему вѣтъ холодомъ могилы, вѣроятно, отъ него самого. Ап. Павелъ, велѣдъ за псалмопѣвцемъ, говоритъ о людяхъ, которыхъ уста полны злословія и горечи, что гортань ихъ (есть) открытый гробъ (Римл. III, 13, Псал. V, 10). Такъ вотъ, изъ этого открытаго гроба, нужно думать, и вѣтъ на диффаматора холодомъ могилы... Не знаю, правду ли онъ говоритъ, когда увѣряетъ о своемъ знакомствѣ съ моею Исторіей русской церкви. Но дѣйствительно ли онъ самъ знакомъ съ ней или знаетъ о ней только по слухамъ, отъ другихъ, во всякомъ случаѣ онъ очень хорошо знаетъ, что сказать обо мнѣ на основаніи ея то, что онъ говоритъ, есть великая нечѣстность. Однако, ему желательно сказать обо мнѣ что нибудь возможно страшное и вотъ онъ, слыша вѣяніе могилой отъ самого себя и совершенно справедливо принимая, что для человека ничего не можетъ быть страшнѣе холода могилы, и утверждаетъ обо мнѣ, будто отъ меня вѣтъ этимъ холодомъ. Знакомъ ли анонимъ съ моею Исторіей непосредственно или знаетъ о ней отъ другихъ, во всякомъ случаѣ онъ знаетъ, что я, какъ историкъ, имѣю своей отличительной особенностію критицизмъ. Конечно, онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые обвиняютъ меня въ неумѣренномъ критицизмѣ (а я съ своей стороны, пожалуй, не стану рѣшительнымъ образомъ отвергать обвиненія, за исключеніемъ того, чтобы рѣшительно протестовать противъ злостнаго занозрѣнія въ намѣренности). Но объ историкѣ, который имѣетъ своею отличительною особенностію критицизмъ, можно ли сказать, что отъ него вѣтъ холодомъ могилы? Если ледъ можно называть горячимъ, а огонь холоднымъ, вообще если можно соединять въ одно мѣсто противоположности; то, конечно, и объ историкѣ, отличительную особенность котораго составляетъ критицизмъ, можно сказать, что отъ него вѣтъ холодомъ могилы. Къ чему стремится историкъ, критически изслѣдуя подлежащій его изученію какой либо исторической матеріалъ? Стремится къ тому, чтобы дойти до возможно пра-

вильныхъ и вѣрныхъ представлений о данномъ прошломъ, чтобы устранить все то, что есть въ представленіяхъ о немъ неправильнаго и невѣрнаго. И это могильщикъ? Да, конечно, могильщикъ въ томъ смыслѣ, что роетъ могилу всему тому, что должно стать достояніемъ могилы въ смыслѣ устраненія и отстраненія; но могильщикъ ли по отношенію къ дѣйствительной исторической жизни, которую онъ стремится представить какъ можно правильнѣе и вѣрнѣе? Очевидно, не могильщикъ, а напротивъ возстановитель, воскреситель.

Относительно моего критицизма я нарочитымъ образомъ оправдывался въ рѣчи, которою предварилъ мой докторскій диспутъ. Отсылая къ этой рѣчи желающихъ знать мои оправданія ¹⁾, прибавлю здѣсь немного. Нѣкоторые люди представляютъ себѣ дѣло такъ, будто въ нашей русской церковной исторіи критика вовсе не нужна и будто я съ моей критикой не болѣе какъ выскочка, желающій стяжать себѣ на ея счетъ дешевые лавры. На самомъ дѣлѣ въ нашей русской церковной исторіи критика столько же необходима, сколько и во всякой другой исторіи. Если бы не такъ называемыя „независящія обстоятельства“, которыя особенно сильны у насъ въ области церковной письменности, то мы несомнѣнно имѣли бы уже нѣсколько опытовъ критически обработанной русской церковной исторіи, ибо уже первый опытъ этой исторіи былъ написанъ митр. Платономъ съ нѣкоторой критикой. Несомнѣнно, что и послѣдній по времени нашъ историкъ пресов. Макарій при другихъ обстоятельствахъ писалъ бы свою Исторію съ иною критикою, нежели какую мы у него находимъ. Въ одномъ мѣстѣ Исторіи онъ дважды настойчиво восклицаетъ: „Критики, побольше критики,—вотъ чего надобно желать намъ въ исторіи нашей литературы!“ ²⁾ Но читайте его Исторію внимательно, и вы увидите по проскользающимъ иногда у него краткимъ замѣчаніямъ, что онъ желалъ бы

¹⁾ Она напечатана въ приложеніи ко второй половинѣ I тома моей Исторіи русской церкви.

²⁾ Т. V, стр. 408.

критики вовсе не для одной только исторіи церковной литературы, а и для всей церковной исторіи вообще ¹⁾).

Когда анонимъ говоритъ, что я довожу скептицизмъ и докторально-пренебрежительное отношеніе къ родному прошлому до положительнаго отрицанія во всемъ этомъ прошломъ русской жизни „духа жива“: то говоритъ онъ не имѣющій смысла вздоръ, а намѣреніемъ своимъ имѣть взвести на меня клевету. Духъ живъ или духъ живой есть внутренняя сущность чего нибудь, въ противоположность внѣшней мертвой формѣ. Возьмемъ примѣръ изъ сферы жизни. по видимому, близкой анониму и по этому наиболѣе для него понятный. Можно быть монахомъ по внѣшней формѣ и въ тоже время совсѣмъ не имѣть живаго духа монашескаго и оставаться по духу совершеннымъ міряниномъ. Такъ, повторяю, духъ живъ или духъ живой чего нибудь значить внутреннюю сущность, внутреннее существо чего нибудь. Но что же будетъ значить, что я отвергаю внутреннюю сущность русской церковной исторіи? Не будетъ значить ничего кромѣ бессмыслицы. Очевидно, что анонимъ хотѣлъ сказать другое, а именно— что я не нахожу ничего хорошаго или свѣтлаго въ нашемъ прошломъ, — что я вижу въ немъ одно сплошное дурное или темное. Но это-то и будетъ клеветой на меня, которую онъ имѣлъ въ своемъ намѣреніи. Я вижу въ нашемъ

¹⁾ Когда говорить о моемъ критицизмѣ, то прежде всего и болѣе всего упрекаютъ меня за то, что я сомнѣваюсь въ достовѣрности повѣсти о путешествіи на Русь св. ап. Андрея. Я уже говорилъ прежде, что не совсѣмъ прямо высказывалъ сомнѣніе въ достовѣрности повѣсти еще митр. Платонъ и что совсѣмъ прямое сомнѣніе въ ней преосв. Филарета осталось подъ спудомъ только по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ. Прежде я не могъ подтвердить своихъ словъ ссылакой на документальное свидѣтельство, но теперь могу. Въ 33-й части Прибавленій къ твореніямъ святыхъ отцевъ напечатаны письма архіепископа Филарета къ А. В. Горскому. Въ примѣчаніи къ одному письму сдѣлана выписка изъ цензурной бумаги объ одобреніи къ печати Исторіи Филарета и въ этой выпискѣ говорится, что цензоръ одобрилъ Исторію къ напечатанію съ условіемъ, „если измѣнено будетъ начало § 1-го, въ которомъ отвергается преданіе о проповѣди Апостола Андрея на горахъ Кіевскихъ“, — стр. 641. Пусть же негодующіе на меня за мое сомнѣніе въ достовѣрности повѣсти о путешествіи на Русь св. ап. Андрея перенесутъ свое негодованіе если не на митр. Платона, то, — къ чему обязываются уже документальнымъ свидѣтельствомъ, — на преосв. Филарета!

прошломъ не одно только хорошее или свѣтлое, но и дурное или темное,—это совершенно вѣрно. Но предшествующіе мнѣ церковные историки, преосвв. Филаретъ и Макарій, развѣ видятъ въ нашемъ прошломъ только одно хорошее или свѣтлое, а не такъ же, какъ и я, хорошее или свѣтлое вмѣстѣ съ дурнымъ или темнымъ? Правда, что между ними и мной есть существенное различіе: по различіе это состоитъ не въ томъ, чтобы они видѣли въ нашемъ прошломъ одно хорошее, а я—одно дурное. Какъ они видятъ, такъ и я вижу главную причину у насъ дурнаго въ отсутствіи у насъ просвѣщенія. Но тогда какъ они, въ слѣдъ за Карамзинымъ, принимаютъ, что просвѣщеніе вводилось было къ намъ и укоренилось было у насъ, а потомъ отъ случайной причины исчезло, я нахожу невозможнымъ представлять дѣло такимъ образомъ и утверждаю, что попытка св. Владимира ввести къ намъ просвѣщеніе окончилась неудачей и что мы остались безъ просвѣщенія (настоящаго) съ самаго начала у насъ христіанства (объ этомъ пространно говорю я въ книгѣ, — I, 580 sqq, а также и въ рѣчи предъ диспутомъ, на которую указывалъ выше.

„Впрочемъ, кто знакомъ съ его „Исторіей русск. церкви“, говоритъ анонимъ, тотъ знаетъ, что это—историкъ, отъ котораго“ и пр., т. е. хочетъ сказать, будто всѣ одного съ нимъ, крайне плохаго, мнѣнія о моей Исторіи русской церкви. Находя позволительною самозащиту, отвѣчу ему, что онъ беззастѣнчиво лжетъ и желаетъ ввести читателей „Странника“ въ заблужденіе. Есть немалое количество людей темныхъ, которые дѣйствительно одного съ анонимомомъ, весьма плохаго, мнѣнія о моей Исторіи; есть люди и нетемные, которые очень неблагоприятны къ моей Исторіи по побужденіямъ или не совсѣмъ научнымъ или совсѣмъ ненаучнымъ; но затѣмъ, что касается до большинства людей нетемныхъ, то, думается мнѣ, я не схвастаю, если скажу, что оно рѣшительно въ мою пользу. Во всякомъ случаѣ, я могу привести свидѣтельство за себя, авторитетъ котораго, можетъ быть, и будетъ оспаривать анонимъ съ подобными ему, но которому никакъ не откажутъ въ этомъ авторитетѣ люди нетемные. Я представлялъ мою Исторію въ Академію Наукъ на соисканіе Уваровскихъ

премій. Академія поручала разборъ моей Исторіи критику, по ея мнѣнію вполне компетентному и, получивъ отъ критика крайне благосклонный (имѣю полное право сказать — блистательный) отзывъ о книгѣ, вполне согласилась съ нимъ, почему и присудила мнѣ полную Уваровскую премию (см. Отчетъ о двадцать-четвертомъ присужденіи награды графа Уварова).

Остается мнѣ отвѣтить на вопросы анонима: какой наукѣ я служу, какому богу поклоняюсь.

Въ первомъ вопросѣ: какой наукѣ я служу, анонимъ, очевидно, разумѣетъ: что же такое есть по моему исторія или какъ же я понимаю исторію, когда моя Исторія русской церкви представляетъ изъ себя, по его навѣтамъ, нѣчто такое ужасное. Мой отвѣтъ ему. Исторія бываетъ трехъ родовъ: *тупая*, принимающая все, что оставило намъ прошлое время съ именемъ историческаго матеріала, за чистую монету и поэтому рассказывающая бабьи басни; *лгушая*, которая не обманывается сама, но обманываетъ другихъ, которая изъ разныхъ практическихъ побужденій представляетъ бѣлое чернымъ и черное бѣлымъ, хулить достойное похвалы и хвалить достойное порицанія и т. д., и *настоящая*, которая стремится къ тому, чтобы по возможности вѣрно и по возможности обстоятельно узнавать прошлое и потомъ старается такъ же вѣрно и обстоятельно воспроизводить его. Предоставляя желающимъ и произволяющимъ быть сторонниками исторіи тупой или лгушей, я съ своей стороны емь горячій почитатель исторіи настоящей.

Второй вопросъ анонима: какому богу я поклоняюсь, очевидно, значитъ: что же я уважаю и уважаю ли я что нибудь, если въ нашемъ прошломъ, какъ онъ клеветаетъ на меня, я не нахожу ничего заслуживающаго уваженія. Если я отвѣчу ему, что я принадлежу къ числу людей наиболѣе уважающихъ все то, что заслуживаетъ уваженія, онъ скажетъ мнѣ, что хвастать можно. Я отвѣчу ему такъ сказать „отъ противнаго“. Всѣ признаютъ (и многіе порицаютъ меня за то), что я съ необыкновенной страстью говорю противъ того, что заслуживаетъ осужденія. Человѣкъ, говорящій страстно противъ того, что заслуживаетъ осужденія, не даетъ ли права поеднолагать, что онъ относится съ особеннымъ уваженіемъ къ тому, что заслуживаетъ уваженія?

Иначе, откуда же взялась бы у него страстность (нисколько не объясняемая практическими побужденіями)? „Сильно порицають худое только тѣ, которые столько же сильно почитаютъ хорошее“, если этого, можетъ быть, и не сказали никто изъ древнихъ, то во всякомъ случаѣ это есть законъ человѣческой природы.

Отвѣтивъ анониму на его вопросы: какой наукѣ я служу и какому богу поклоняюсь, я возьму на себя трудъ сказать и ему: какой науки служителемъ и какихъ боговъ поклонникомъ является онъ въ своемъ пасквилѣ на меня. Онъ является служителемъ науки, которая учитъ презирать дѣйствительныя науки; онъ является поклонникомъ студнѣйшихъ боговъ лжи, клеветы, инсинуацій и диффамацин.

Окончу мой отвѣтъ анониму на его пасквиль искреннимъ пожеланіемъ, чтобы онъ отказался отъ служенія помянутой нехорошей наукѣ и чтобы онъ оплевалъ указанныхъ мерзкихъ боговъ.

Давая отвѣтъ на пасквиль, чрезвычайно трудно бываетъ удержаться отъ чего нибудь такого, чтò и самъ осудилъ бы въ качествѣ сторонняго зрителя. Если будетъ найдено, что и я не совсѣмъ удержался отъ этого чего нибудь, то усерднѣйше прошу извиненія у читателей.

Е. Голубинскій.
